

У истоков села Покровка (из книги воспоминаний Фёдора Дмитриевича Лисицина)

Здесь представлена электронная версия книги воспоминаний старожила села Покровка, **Фёдора Дмитриевича Лисицина**. Материал данной книги, был частично утерян. Просьба ко всем, кто располагает какой-либо информацией о возможности восстановления, и дополнения утраченного материала, связаться с автором этого проекта.

Главы из книги

- [В приуральской степи](#)
- [Семён Беспалый](#)
- [Случай на постоялом дворе](#)
- [Райпродкомиссар Голубцов Георгий Сергеевич](#)
- [Коллективизация](#)
- [Первый учитель](#)
- [Быт поселенцев](#)
- [Растительный и животный мир поселка Покровка](#)

Редакция и дизайн - [Макаров Игорь Валентинович](#)

<http://pokrovk.ucoz.ru>

Рукопись книги находится в Покровском школьном музее.

Июнь 2008 год

В приуральской степи

Во второй половине XVIII века Оренбургская губерния занимала огромную территорию, включая территорию нынешних Оренбургской, Челябинской, восточной части Куйбышевской областей, Башкирской АССР, части Татарской АССР и части Казахстана. Ее границы на севере доходили до реки Камы, на востоке – до реки Тобола, на западе – реки Волги, на юге – Каспийского моря.

Вся власть на этой территории принадлежала губернатору. Он управлял войсками и гражданским населением, Яицким и Оренбургским казачьими войсками, Башкирией и Казахстаном. Население края было сравнительно немногочисленным. Русских насчитывалось здесь в 60-х годах 250 тысяч человек, и их численность с каждым годом возрастала в связи с наплывом переселенцев. Татар вместе с близкими тептярями было 112 тысяч, башкир – 100 тысяч, казахов – 80 тысяч. В губернии проживали также украинцы, мордва, чуваша, марийцы, калмыки.

Основание Оренбурга и устройство, укрепленной пограничной линии положило начало широкому движению переселенцев в Оренбургский край.

Сотнями и тысячами устремлялись сюда в поисках свободной земли и лучшей доли беглые, различные «сходцы», люди, «непомнящие родства», и поселялись здесь, несмотря на запрещения и преследования властей. Они записывались в казаки, государственные крестьяне.

Несметные богатства: железная и медная руды, золото, каменный уголь и нефть, величайшие соляные залежи, колоссальное количество плодородной земли, богатейшие рыбные запасы ждали приложения рук человека.

Царское правительство и местная администрация старались всеми силами заселить пустынный край.

Одним из методов пополнения населения Оренбургского края была высылка различных преступников, осужденных на каторгу и ссылку суровыми законами XVIII века.

Из числа присылаемых в Оренбург колодников, многих отправляли в Илецкую Защиту на разработку соляной залежи и строительства крепости. Вскоре между крепостью и озером пресной воды возник небольшой поселок. В 1769 году в нем было около 150 хижин, в которых жили ссыльные и работные люди.

В 1811 году правительство официально присоединило к России территорию междуречья Урала и Илеза. По Илезу были основаны казачьи поселения, образовавшие Новоилецкую военную пограничную линию. От Илецкой Защиты, на расстоянии 130 верст, вместо четырех форпостов было построено шесть: Защитинский или Угольный. Мертвецовский, Изобильный, Новоилецкий, Озерный и Затонный.

Вокруг форпостов были вырыты рвы с насыпью для иррегулярных войск, построены сараи, покрытые камышом, конюшни для лошадей, а для людей по 12 землянок в каждом форпосте.

А за земляным валом форпоста простиралась дикая, во всей своей девственной чистоте, нетронутая степь, куда еще не ступала нога человека. Летними вечерами над ней алым пламенем полыхали закаты, отражаясь в зеркалах небольших речушек, заросших по берегам кудрявыми кустарниками и рощицами серебристого тополя.

Безмятежно звенели голоса бесчисленных птиц, гнездящихся в прибрежных камышах, а когда они умолкали, в тишине наступившей ночи разливались чарующие трели соловья. На сочных лугах возле реки мирно паслись не пуганые стада антилоп...

Изредка неторопливо проезжали одинокие всадники пастухи, перегоняя на пастбища многочисленные табуны лошадей стада коров, отары овец.

На месте слияния Илеза и Хобды, на песчаном берегу находилось зимнее кочевье богатого казаха Устюлюка с названием Кызыл. Пять небольших низких землянок, сарай с кизяком, несколько пустых, обмазанных глиной кошар для укрытия овец в непогоду свидетельствовали о том, что здесь уже живут люди, правда, в какое-то определенное время. Сам же хозяин урочища бай Тукай Устюлюк находился в данный момент со своими многочисленными стадами на благодатных пастбищах Иргиза.

Было раннее майское утро 1880 года. Алая полоска зари разлилась легким румянцем по сонной глади Илеза, позолотила листья плакучих ив, грустно опустивших в воду тонкие ветви. Розоватый пар курился над молчаливым камышом, как будто прислушивающимся к чему-то. Пахло чебрецом степной душицей, сладковато-горьким ароматом полыни и тем неуловимым запахом весны, которая окрыляет и радуется сердце человека.

Вдруг неожиданно вынырнув из-за кустов ярги, обсыпанных белыми цветами на отлогом берегу Илеза остановились три телеги с высокими бортами, в каждую из которых впряжена была пара лошадей. На одной

из телег громоздился не хитрый крестьянский домашний скарб и мешки с продуктами; на двух других устланных для мягкости соломой и сеном сидели 4 женщины и 5 детей: 2 мальчика и три девочки. Одна из девочек лет 14-15, стройная красивая блондинка невольно обращала на себя внимание, за телегами шли две коровы и три теленка. Замыкали шествие три всадника вооруженные охотничьими ружьями и топорами.

Передовой всадник спешил к самой реке и, войдя по колено в воду, неторопливо напился, черпая широкой ладонью и умыл лицо. Вода была холодной и прозрачной, песчаное дно отливало золотом в блеске утренней зари. Это был вожатый маленького отряда, 45 летний мужчина высокого роста, широкоплечий с окладистой с проседью бородой обрамлявшей суровое лицо, с большими серыми глазами, строго смотревшими из под нависших густых бровей Соболев Иван Петрович. Уроженец Тульской губернии, с женой Марией и дочерью Анной рослой и красивой девочкой. Иван Петрович разувшись, с наслаждением купая в воде натруженные за долгую езду ноги, просто сказал: «Вот здесь наш родной дом. Земля добрая, трава, как шелк, воды сколько угодно. Работай – не ленись, все будет». А теперь на молитву ....

И майским утром, озаренным первыми лучами восходящего солнца, зазвучала страстная молитва измученных людей, обездоленных и униженных.

Трое мужчин, четыре женщины и пять детей на коленях просили Господа нашего дать им покой, радость и немного счастья. Наконец, Иван поднялся с колен, и каким-то пророческим голосом произнес: «Здесь наши мы кров и приют. Наречем это будущее селение Покровским. Пусть все бедные и бесприютные люди, приехавшие сюда, найдут свой дом родной...» Остальные в знак согласия низко поклонились земле.

Вскоре кони были распряжены и пущены пастись, а люди сели возле костра, разведенного у самой реки на отлогом песчаном берегу, за нехитрый крестьянский завтрак. Ласково шелестела листвою прибрежная тала, приветливо звенели голоса птиц. Природа как - будто радовалась вместе с людьми, что, наконец, они обрели то, к чему стремились столько ненастных тяжелых дней.

Это были они, первопроходцы: Сверидов Изосим – 29 лет, с женой Акулиной и двумя мальчиками 3-х и 4-х лет; Петренко Михаил – 25 лет с женой Оксаной и тремя девочками от 2-х до 5-ти лет, вместе с Михаилом, уроженцем Полтавщины, приехала и его сестра Катя,

девушка 18 лет невысокого роста стройная, с толстой светло-русой косой и большими голубыми глазами. Она была душой маленького отряда, не поддавалась унынию и поднимала дух у других, ее ободряющая белозубая улыбка.

С раннего утра и до позднего вечера звенел ее чистый серебряный голосок над рекой: стирала ли она бельё, варила ли пищу, собирала ли хворост для костра. Она подобрала маленького сусленка, потерявшего мать и беспомощно сидевшего возле норы. Выкормила его молоком, и вскоре Рыжик не отходил от неё ни на шаг и не подпускал других...

Что заставило этих людей бросить родные места и искать счастье на чужбине? Тяжелые экономические условия, в которые крестьяне были поставлены после освобождения от крепостной зависимости. На родине кормиться нечем, скотину всю поели. Земли старые, то есть такие земли, которые без уважения не выдерживают частых посевов и дают недород. Причина эта заставляет уходить. Обычно крестьяне – поселенцы переносили сильные муки и страдания, пока добирались до мест оседания и обзаводились кое-каким хозяйством. Ехали на арбах и телегах, в битком набитых товарных вагонах. Тысячи поселенцев умирали в дороге, не выдержав долгого мучительного пути, голода и болезни. Но трудности не могли остановить крестьянскую бедноту, влекомую с далекой родины – мачехи за заманчивыми слухами о широком земельном раздолье и баснословных урожаях хлебов. Вот и эти перенесли невзгоды и мытарства. Брошенные на произвол судьбы, более трех месяцев провели они в дороге, объезжая города. Полуголодные, беззащитные, потратив большую часть взятых с собою средств, добрались они, наконец, до своей земли «обетованной».

Вслед за этими поселенцами через месяц с небольшим приехало еще 15 семей: С центральной России, Белоруссии и Украины. Нужно было начинать новую жизнь. Возле реки выросли шалаши из камыша и тальника.

Но приближалась осень. Подули холодные ветры. Людям потребовались более теплые жилища, в которых можно жить и вести хозяйство. Несмотря на такие обстоятельства, никто из присутствующих не позволил себе самовольно занять одну из 5 аккуратных землянок, стоявших на другом берегу, окна и двери которых тщательно закрыты камышовыми матами.

15 августа на отлогом песчаном берегу собрались все 45 поселенцев ранним утром, когда первые лучи восходящего солнца озарили верхушки деревьев березового колка. Было шумно, говорили многие

возбужденно, не слушая друг друга. Всех волновал один единственный вопрос, как жить дальше? Наконец, из толпы вышел статный мужчина среднего роста, лет пятидесяти с густой окладистой светло-русой с проседью бородой, Ефим Каюдин – всеми признанный весельчак и балагур, не унывающий ни при каких обстоятельствах. Он слыл грамотеем: умел читать, писать, считать и пользовался среди обездоленных людей, естественно, авторитетом.

«Братья и сестры во Христе!» - начал он несколько простуженным сиплым голосом. – Все мы приехали сюда от великой нужды и голода, которые заставили нас покинуть родные гнезда. Что ждет нас здесь мы еще не знаем. Но у нас есть руки, головы, желание работать. А это главное. Здесь все есть для жизни. Земля, вода – только не ленись чтобы выжить в этом краю. Нам нужно крепко держаться друг за друга и не нарушать заповеди Господа нашего. А то все может быть: и болезнь приключится и лихой человека встретится.

Вчера под вечер видел несколько всадников в островерхих шапках и в длинных кафтанах они внимательно смотрели на наши шалаши. Ведь не знаешь, что им взбредет в голову»... «Да это же наши соседи, - слышался голос из толпы – это добрые бедные люди, они хотят жить с нами в мире и согласии». «Хорошо если так, - продолжал оратор нам нужно выбрать умного и твердого мужа, который и может руководить поселком, постоять за всех нас. Я предлагаю выбрать старшиной первого жителя – Соболева Ивана Петровича. Каюдин внимательно посмотрел на односельчан и понял, что его слова достигли цели. «Пусть будет так», - выразили остальные свое одобрение сказанному. Высокий широкоплечий мужчина с кудрявой русой бородкой, обрамлявшей правильное лицо с прямым носом, квадратным подбородком и широко поставленными глазами выступил вперед. «Спасибо за уважение други – товарищи! Принимаю ваше предложение и даю обещание быть вашим заступником, а вы, в свою очередь, должны слушать меня и выполнять требования. Только в этом случае наладим нашу жизнь. Себе в помощники беру Каюдина Ефима, и Петренко Михаила. Первое, что надо решать немедленно и твердо – это вопрос о жилье. Осень уже не за горами, а мы еще в шалашах. Второе – вопрос о земле. Это тот вопрос, ради которого мы здесь и находимся. Третье – обеспечение продовольствием, и, наконец, приобретение скота, стройматериала, сельхозинвентаря...»

Никто не проронил ни слова. Все были согласны и рады такому обороту дела: у измученных уставших людей появилась надежда...

Вскоре в Покровском закипела работа. Накопав на лугу крепкого дерна, поселенцы на лошадях и волах подвозили его к месту, отведенному для постройки. Заготовили каждый сотни по две снопов камыша, воза по два хворосту, срубили на матку и косяки толстые деревья, в изобилии растущие на берегу. Недели через две с половиной первые двадцать пять землянок поднялись над землей у реки, быстро несущей свои серебристые воды куда-то в неведомую степную даль...

Однажды теплым августовским вечером, на закате, на другом берегу Илеза появились 10 всадников в длинных кафтанах с ружьями за спиной.

Соболев как выборное лицо развил бурную деятельность: Он отправился в Илецкую - Защиту встретился с уездным начальником Штабс-Капитаном Шплиттером получил утверждение в должности волостного старшины, сумел направить несколько подвод с продовольствием и стройматериалами в Покровское, добился разрешение на получение единовременной денежной ссуды по ходатайству купца Щербакова...

Однажды ночью

Была глубокая августовская ночь. Над мирными поселенцами Покровского, заснувшими в своих еще не совсем обжитых землянках после тяжких дневных трудов праведным сном. Сверкали с темно-голубого неба крупные звезды. Серебристый пар клубился над рекой, безмятежно шелестела листва, волнуемая легким ночным ветерком... в землянках ни огонька... Только на берегу одиноко светится костер, возле которого тринадцатилетний пастух Гриша вырезает из длинной талины удилище. Неторопливо жуют коровы, лежа в густой траве, фыркая и отмахиваясь от комаров, прямо с берега пьют лошади голубоватую воду Илеза... Вдруг с противоположного крутого берега спустился в воду отряд всадников человек в тридцать, одетых в длиннополые кафтаны, с какими-то странными предметами в руках, напоминавшими венике.

Не успел Гриша опомниться и сообразить, что делать дальше, всадники переправились и были уже возле него. Один из них наотмашь ударил его короткой плетью, и тот упал оглушенный на прибрежный песок, не успев добежать до землянок. Когда он очнулся, то увидел страшную картину: камышовые крыши землянок жарко пылали, бросая багровые отблески на темную гладь задремавший реки.

Вокруг суетились полуголые перепуганные люди, пытаюсь спасти от огня свой жалкий переселенческий скарб.

Всадники исчезли также неожиданно, как и появились, угнав весь скот, принадлежавший переселенцам.

Снова в шалашах

На утро в сожженном поселке люди чуть не обезумели от горя. Плач и крики отчаяния доносились из-под обугленных куч, оставшихся от рухнувших от огня землянок. Люди потеряли последнее, что имели и чувствовали себя обреченными на гибель. Лишь один человек сохранил мужество и самообладание и смог организовать спасение отдельных землянок и оказать помощь получившим ожоги. Этим человеком был старшина Соболев. Он подходил к обугленным землянкам, разговаривал с людьми, убеждая их не впасть в отчаяние и обещал приложить все усилия, чтобы добиться помощи от уездного начальства. Когда взошло солнце, несчастные погорельцы грязные и перепачканные сажей, как по команде собрались на берегу Илеза и молча, низко опустив головы, ждали слова старшины.

На оставшихся двух телегах и четырех лошадях Соболев со своими помощниками – Каюдиным и Петренко выехал в уезд. При содействии уездного начальника, старосты Башкатова Соболев заключил договор с купцом первой гильдии Шаховым, по которому для Покровского выделялись стройматериалы, сельхозинвентарь, продукты, личный скот, оружие (берданки и шашки) для внутренней охраны от кочевников. Свой долг поселок обязался выплатить в течении пяти лет. В Покровский был направлен полицейский чиновник для переписи поселившихся там людей...

Снова строительная лихорадка охватила людей. Поселенцы были благодарны Соболеву и уездному начальству за заботу о них, обездоленных и всеми забытыми. Поселенцы после пожара жили в наскоро вырытых ямах, устланных вместо пола травой и соломой и покрытых сверху камышовыми матами.

Нужно было до наступления холодов восстановить снова землянки, чтобы выжить.

Люди работали лихорадочно, до измождения от восхода до глубокой ночи, отрываясь от работы только во время обеда, ужина и недолгого сна... Вскоре одна за другой вдоль берега потянулись землянки...

Был сформирован сторожевой отряд для защиты поселка от кочевников из мужчин в возрасте от 20 до 50 лет. Командиром отряда

назначен Петренко Михаил. Раз в месяц проходили учения по изучению оружия, стрельбе и умению обращаться с шашкой... в остальное время несли караульную службу. Но беда никогда не приходит одна, так и в этот поселок ворвалось неожиданное несчастье: исчезли три девушки и одна молодая замужняя женщина мать двух детей. Среди пропавших была певунья красавица Катя, сестра Михаила Петренко... Много горя хватил Михаил, разыскивая свою любимицу. Но что бы ни предпринимал, все усилия были напрасны. Лишь узнал от одного чабана Устюлюка, захваченного во время перестрелки, что женщин похитили люди из малого ЖЮЗА, зимовавшие в урочище Актау, для продажи в Бухару.

Сначала пахотная земля отпускалась. Бесплатно поселенцам. И каждый брал из них, сколько нужно. Но при новом уездном начальнике Краснокутском был введен в действие проект Проценко о наделе земли по числу душ. Причем была установлена плата от 25-50 копеек за десятину пахотной земли. Эта плата взыскивалась вначале исключительно с мещан, переселившихся из города Орска \Сташенко, Глуховы, Есыповы\.. С крестьян же, переселившихся из внутренних губерний, плата эта не взималась, так как этим крестьянам давалась привилегия с одной стороны, с другой же – им пришлось испытать ряд невзгод и бедствий.

Подошел 1900 год

Это было страшное время для селян. Не успели переселенцы забыть пережитые бедствия и залечить старые раны, как на их головы обрушились новые несчастья. Эпидемия чумы поразила крупный рогатый скот, продолжавшаяся в течение года.

В этот период времени многие поселенцы-земледельцы лишились последней опоры в хозяйстве – скотинушки.

Ветеринарские врачи во главе с губернским ветеринарным инспектором Добросмысловым не знали совершенно покоя, и днем и ночью ведя борьбу с эпидемией. Вышло правительственное распоряжение об уничтожении как больного, так и здорового скота, находившегося в одном стаде. За каждую голову выдавалось вознаграждение до 35 рублей, в то время как корова стоила 50-55 рублей. Таким образом, поселенцы понесли страшные убытки, а многие потеряли почти все поголовье, которое удалось вырастить за эти годы.

Плач разносился по селу, плакали люди по погибшему скоту, как по покойнику. Весной поля заросли бурьяном и сорняками: не на чем было

пахать землю. Люди в панике спешно покидали еще не обжитый поселок: одни окончательно разорившись, возвращались на свою родину, другую мчались дальше на юг, в надежде найти свое счастье...

К концу 1900 года две трети ранее приехавших покинули село, оставались лишь из старых Соболевы, Свиридовы, Зайцевы...

1902 год был благодатным для села: на полях созрел урожай, согретый сердца поселенцев, стада пополнились молодняком. И постепенно стали забываться ужасы чумного года. В Покровском произошли большие изменения: разрослось оно, похорошело. Уже больше сотни домиков затененных фруктовыми деревьями на фоне ярких украинский цветников, разбежались по берегу.

Братья Свиридовы совместно с купцом Шиховым построили мельницу на Илеке и маслобойный цех верстах пятнадцати от Покровского. Там началось строительство жилья для рабочих - поселенцев и технического обслуживающего персонала. Вскоре возник новый поселок названный Хуторком. Эти предприятия давали значительный доход их владельцам, так как выпускаемые товары были высшего качества и пользовались на рынках Оренбурга, Илецкой Защиты, Актюбе огромным спросом.

Совместно с этим было создано еще одно предприятие, имеющее также общественный интерес: была поставлена водяная мельница по инициативе богатого торговца скотом Жабасова; поселок получил соответствующее название Жаббатровка. Мука и крупа, производимые на этой мельнице, высоко ценились покупателями.

В центре поселка на Базарной площади раскинулся огромный крытый рынок, где можно было купить бухарский ковер, орловского рысака и чудесное покровское масло. По бокам рыночной площади поднимались кирпичные здания: бакалейная лавка Давлетгареева и питейное заведение Шихова. Но гордость и украшением Покровского были два храма, сооруженные прихожанами на Соборной площади: В 1903 году по инициативе двух братьев миссионеров - мусульман Ахмета и Махмута была построена мечеть; а в 1907 году поднялась православная церковь. По ходатайству перед Синодом Его Превосходительством Иваном Федоровичем Кириловым.

Сначала пахотная земля отпускалась. Бесплатно поселенцам и каждый брал из них сколько нужно. Но при новом уездном начальнике Краснокутском был введен в действие проект Проценко о наделе земли по числу душ. Причем была установлена плата от 25-50 копеек за

десятину пахотной земли. Эта плата взыскивалась вначале исключительно с мещан, переселившихся из города Орска Сташенко, Глуховы, Есыповы. С крестьян же, переселившихся из внутренних губерний, плата эта не взималась, так как этим крестьянам давалась привилегия с одной стороны, с другой же – им пришлось испытать ряд невзгод и бедствий.

В начале 1920 года, после разгрома Дутова в с. Покровка была установлена Советская власть.

Административно Покровка входила тогда в состав Уральской губернии и именовалась так: с. Покровка, Покровской волости, Уральского уезда, Уральской губернии. Несколько позже, примерно в 30-е годы, Покровка вошла в состав Оренбургской губернии (области). Первым председателем Покровского волостного Совета был Домнышев П.Е.

В начале Января 1920 года в Покровку из Уральска прибыл продотряд в составе 13 бойцов комиссариата Голубцова Георгия Сергеевича и его помощника Тюшкова Петра Ивановича.

В марте 1919 года одновременно с первым Покровским сельским Советом организуется Единое Потребительское Общество (ЕПО), которое контролировало работу всей торговой сети на селе, занималось доставкой и распределением продуктов и товаров среди населения.

Председателем этого общества был избран Галиулин А.С., бухгалтером – Тюрганов Г.А.

Однажды ночью в июле 1921 года в Покровку ворвался отряд всадников в форме Алаш-ордынской милиции. Сотрудник ВЧК и райпродкомиссары, пользуясь темнотой, бежали в сторону расположения войск Красной Армии. Остальные жители попрятались кто куда. Алаш – Ординцы разграбили склады с продовольствием и магазины полностью и подожгли их.

После их ухода село осталось без продовольствия, за исключением отдельных зажиточных хозяев, воцарилось безвластие.

В конце 1920 года и начале 1921 после разграбления Алаш-Ордынцами торгового предприятия магазины перестали существовать, в поселке ничего нельзя было купить. Положение осложнилось тем, что засуха летом 1921 года погубила урожай. Начался голод.

В Покровке первые коллективные хозяйства существовали в трех основных формах: коммуны, артели, товарищества по совместной обработке земли (ТОЗы).

Зарботки у колхозников были настолько низкими, что даже не обеспечивали прожиточного минимума человека.

Например, на трудодень выдавалось от 5 до 10 копеек деньгами и 300 – 400 граммов сырого зерна.

Семен Беспалый

Вечером 26 мая 1918 года в с. Курмыс прибыл красногвардейский разведывательный отряд численностью около ста человек под командованием комиссара Старовойтова.

Отряду было задание: срочно выяснить и дать точные сведения в красногвардейский штаб, где находится противник.

Комиссар вызвал трех красногвардейцев: Семена Беспалова, Ивана Егорова, Тимофея Скляренко. Им поручено было узнать, свободна или нет дорога на Чилик. Ранним утром, еще до восхода солнца выехали они верхом.

Осмотрев окрестности и убедившись, что поблизости нет беляков, бойцы спешили и, разведя костер возле дороги, решили перекусить.

Неожиданно из-за холма выскочил отряд Ахранюка. Красногвардейцы не успели сесть на коней, пришлось залечь возле дороги и принять бой. Но силы были слишком неравны. Двоих убили первыми выстрелами, Семена – ранили. В тяжелом состоянии, истекающего кровью, его доставили в белогвардейский штаб, в Покровку, на допрос к подхорунжему Ахранюку. Два часа истязали раненного человека, пытаясь добиться показаний. Не получив нужных сведений, они искалеченного человека убили прямо в комнате. В этот момент открылась дверь, и в кабинет заглянула местная жительница Петренко Татьяна, которой нужен был пропуск штаба на выезд из покровского. Она увидела страшную картину: на стуле, запрокинув голову на спинку, полулежал человек в форме красногвардейца с залитым кровью лицом. У него были выколоты глаза, отрезаны нос и уши ...

Труп красногвардейца за селом обнаружили местные жители, искавшие в степи вечером своих коров, не вернувшихся со стадом ...

Неизвестный был тихонько похоронен на местном кладбище простыми людьми. Могила его не сохранилась. Фамилия Беспалый упоминается в одном из архивов Уральского революционного отряда, боровшегося против Дутовских войск.

Там говорится, что посланные в разведку в Курмысе три бойца: Семен Беспалый, Иван Егоров, Тимофей Скляренко – на следующий день нашли убитыми, а Беспалый Семен – пропал без вести.

И сколько бы лет ни прошло – пролетело,

Но помним мы павших за правое дело!

Случай на постоялом дворе

В марте 1919 года одновременно с первым покровским сельским Советом организуется Единая потребительское Общество (ЕПО), которое контролировало работу всей торговой сетью на селе, занималось доставкой и распределением продуктов и товаров среди населения.

Председателем этого общества, был избран Галиулин А.С. бухгалтером – Тюрганов Г.А.

За короткий промежуток времени ЕПО полностью завоевало симпатии местного населения, так как товары и продукты завозились с учетом мнения тружеников села и поэтому пользовались огромным спросом.

Развивающаяся торговля уже приносила новой Советской власти значительный доход.

Но защищена эта власть была по тому времени очень слабо: один сотрудник ВЧК и два продкомиссара. Отряд из-за неявки бойцов на фронте расформировали и направили в действующую Красную Армию, ведущую кровопролитные бои с Дутовцами и формированиями Алаш-Орды.

Однажды ночью в июле 1921 года в Покровку ворвался отряд всадников в форме Алаш-Ордынской милиции. Сотрудник ВЧК и райпродкомиссары, пользуясь темнотой, бежали в сторону расположения войск Красной Армии. Остальные жители попрятались кто куда. Алаш-Ординцы разграбили склады с продовольствием и магазины полностью и подожгли их.

После их ухода село осталось без продовольствия, за исключением отдельных зажиточных хозяев, и воцарилось безвластие.

Однажды у Фариды, так звали хозяйку постоялого двора, поселились два торговца скотом и мясом, прибывшие, по их словам, из Ак-Мечети. Скот, предназначенный для продажи, находился в степи под охраной вооруженных пастухов и волкодавов. Махмут и Мустафа заняли половину кирпичного дома, щедро оплатив деньги вперед за полгода ...

Махмут высокого роста, жилистый с узкими глазами, мрачно поблескивающими из-под нависших бровей, с бритым подбородком и густыми усами. Мустафа – наоборот с виду веселый, добродушный человек среднего роста, широкоплечий, плотный с воловьей шеей, кудрявой рыжей бородкой и с усами такого же цвета. Оба носили

бухарские халаты и шелковые тюбетейки. Они вели уединенный образ жизни, ни с кем не общались и редко даже встречались с хозяйкой. Правда. По утрам к ним пригоняли работники из степи скот, который был предназначен на продажу. С их появлением как-то беспокойно стало на сердце у хозяйки заведения. Фариде показалось, что вновь приезжающие гости на постоянный двор как будто куда-то исчезают. Она начала следить за своими постояльцами. Когда они приходят и уходят, кого приглашают к себе в гости. И наконец, открылась страшная тайна.

Однажды в теплый июльский вечер подъехала к постоялому двору три брата из Чимкента. Они привезли на верблюдах огромные кожаные мешки с виноградным вином. Остановившись во дворе и поставив верблюдов в отведенную загородку, братья ушли отдыхать.

Фарида услышала ночью шумный разговор, потом чей-то сдавленный крик, и, наконец. Все смолкло. Потом во дворе, возле колодца залаяла собака. Фарида бросилась туда и увидела по пояс голого Махмуда, смывавшего в цинковом корыте пятна крови с лица и рук ...

Она поспешно вернулась в дом и через маленькую дверцу черного входа попала в самую гущу вишневого кустарника, разросшегося возле забора, и незаметно добежала до калитки, скрытой для глаз других людей и служившей ей одной в случае крайней необходимости ...

Была еще глубокая ночь, когда Фарида, еле отдышавшись от быстрого бега, яростно стучала палкой по наглухо запертой калитке, ведущей во двор старосты Бабенко. Хрипло залаяли цепные псы, спущенные на ночь на всю длину цепи для полной безопасности двора и дома. Наконец, сонный голос хозяина недовольно спросил через калитку, кто стучит. Услыхав знакомый голос и узнав вдову, Бабенко открыл калитку...

Минут через тридцать отряд вооруженных людей во главе со старостой, ведущем на поводке двух служебных собак, подходил к постоялому двору. Разделив отряд на две части, Бабенко с одной вошел во двор, другой приказал охранять входы и выходы, предотвращая возможный побег. Было дано указание стрелять без предупреждения ...

Бабенко резко постучал прикладом казачьего карабина в дверь торговцев, в ответ – ни звука.

Постучал еще раз, хриплый голос на ломанном русском языке разразился нецензурной бранью. Бабенко потребовал именем Закона открыть дверь. Щелкнул выстрел из нагана, и пуля пробив дверь прошла в нескольких сантиметрах от головы старосты и застряла в фонарном столбе, стоящем у самого крыльца. Расставив людей в

защищенных местах от выстрела, староста приказал взломать дверь. Под мощными ударами дверь сорвалась с петель и в комнату впустили собаку ... короткая схватка и обезоруженный Мустафа под дулом карабина поднимает руки вверх; второй попытался бежать через сад, был схвачен наружной охраной... преступников связали и оставили в комнате под охраной овчарки и двух вооруженных ружьями людей.

Остальные стали тщательно производить обыск помещений. Где протекла деятельность этих негодяев...

Под полом первого сарая на глубине метра полтора был найден железный люк, ведущий в хранилище туго набитых больших кожаных мешков. Когда открыли эти мешки, вопль ужаса и негодования вырвался из груди каждого присутствующего. В мешках находились руки, ноги и головы убитых людей.

Всем стало ясно, что это исчезнувшие чимкентские братья. Во втором сарае, оборудованном под коптильню, тоже обнаружили тайник. В котором находился бочонок с только что посоленным мясом, предназначенным для копчения.

На стенке с фанерной обшивкой висела большая сумка, содержание которой тоже говорило о «профессиональных» занятиях бандитов: золотые зубы, разных размеров, браслеты, кольца и серьги, измазанные кровью. Все это было вынато из тайников и как вещественные доказательства разложено во дворе для всеобщего обозрения.

Жители, несмотря на ранний час, запрудили улицу перед двором. Все были потрясены увиденным, женщины плакали навзрыд.

Наконец вывели преступников. Наступила мертвая тишина, все негодующие взоры были обращены на них, бледных, с опущенными головами, не смеющими поднять глаза на народ.

Но грозная тишина длится недолго. Вот ее прорвало, как плотину и бурные волны слились в один непреклонный и беспощадный приговор: «Смерть гадам!»

Этот приговор безотлагательно приведен в исполнение местной властью. Сначала их били чем попало во дворе затем окровавленных на веревках потащили на казахское кладбище. Там, возле могил их опять били, топтали, резали ножами. И когда уже они не могли стоять на ногах, их бросили в костер, разведенный любителями горячего чая.

Люди смотрели, как корчились убийцы, на расклеенных углях, как обгорали волосы, уши, лопались от жара глаза ...

И не было жалости в сердцах народа к ним, извергам рода человеческого. Такую кару заслужили преступники и получили ее.

А то еще рассказывают такой случай, от которого до сих пор стынет от ужаса кровь.

Это случилось тоже в 1921 году во время голодовки, «навалившейся на простых людей».

Возле аптеки, в маленьком саманном домике жили одиноко две сестры: Антонина и Ксения. Они уже были не молоды, обе вдовы: эпидемия тифа унесла мужей и детей. До 1920 года сестры получали небольшие пенсии за мужей: старшая Антонина от торгового дома Жаббасова, младшая – от почтовой конторы Шихова. С организацией Советской власти они лишились своих привилегий, так как все предприятия Жаббасова и Шихова были изъяты в руки советского начальства. Новая власть отказалась платить «буржуйские» пенсии и плохо бы пришлось Антонине и Ксении, если бы они не вспомнили старое народное ремесло: старшая неплохо шила, а младшая вязала пуховые платки. Это давало необходимые средства к существованию и сестры кое-как сводили концы с концами.

Но в конце 1920 года и начале 1921 после разграбления Алаш-Ордынцами торгового предприятия магазины перестали существовать, в поселке ничего нельзя было купить. Положение осложнилось тем, что засуха летом 1921 года погубила урожай. Начался голод. Кто не имел хозяйства, тому нужно было немедленно бежать из села куда-то в другое место для спасения жизни от голода. Но несмотря на то и другое, сестры не могли никуда уехать: не было сил и здоровья.

После бесполезных попыток получить от односельчан какую-нибудь помощь, они собирали степные травы и варили их и кое-как ели. Наконец. Сестры совершенно обессилели от голода, а Антонина слегла и больше не встала. Через три дня она отдала душу свою Господу нашему, повергнув Ксению в отчаяние и оставив ее совершенно одинокой среди хаоса и разрухи.

Отупевшая от голода Ксения с помутившимся рассудком, забыв заповеди Христа-спасителя, решила не хоронить сестру, а распорядилась по-своему. Она отрубила голову, руки, ноги – сложила это все в мешок и ночью отвезла на тележке на кладбище. Возле кладбищенского забора, она выкопала наскоро ямку, и торопливо зарыла страшный мешок.

До дому она добралась, как во сне. Ей казалось, что рядом шла сестра и вела ее за руку. Дома она обессиленная, бросилась на постель и мгновенно заснула тяжелым сном...

Старинные стенные часы гулко пробили двенадцать ... Ксения проснулась от какого-то странного прикосновения: как будто кто-то мокрой, холодной ладонью провел по лицу от переносице до подбородка.

Она торопливо открыла глаза и дыхание у нее перехватило от ужаса: возле кровати, освещенная ярким лунным светом. В грязном платье, залитом сукровицей стояла мертвая сестра и улыбалась ...

Ксения упала на колени и залилась слезами, пытаясь молитвой успокоить себя. Видение исчезло, но покоя не было в душе Ксении ...

На следующее утро она разрубила туловище на мелкие куски, так что их невозможно было отличить от обычного мяса, и засолила в бочонке, где всегда обычно хранилась солонина. На вопросы соседей, похоронила ли Антонину, отвечала утвердительно: отвезла, мол, в часовню, где будут хоронить вместе с другими в установленном порядке. А рыть могилу отдельно - сил нет. Весь вечер Ксения была в каком – то тревожном ожидании. Она пыталась заняться рукоделием – вязкой или шитьем, но руки дрожали у нее, как после тяжелого похмелья. Она невольно прислушивалась к каждому неясному звуку или шороху, которые так много и которые так неожиданны в ночной тишине ...

Вдруг сильный порыв ветра распахнул окно и в комнату вместе с влажным ночным воздухом ворвались отдаленные раскаты грома ... «Гроза начинается», - невольно подумала Ксения и хотела закрыть окно. Но яркая вспышка молнии вырвала из темноты угол сада, свежую зелень листвы и фигуру в белом, влетевшую в комнату вместе с порывом ветра. Это была она, Антонина. Ксения хотела закричать, но почувствовав на своем плече ледяную руку мертвеца, как-то боком завалилась на постель, захрипела и свет померк в ее глазах.

То ли опрокинувшаяся свеча подпалила скатерть, то ли новая вспышка молнии, но вскоре маленькая землянка была объята как факел, дымным пламенем.

И никому из далеких соседей не пришло в голову тушить ночью пожар, одиноко горящего домика, стоявшего на окраине села. На утро только куча обугленных кирпичей да золы остались от землянки, в которой когда-то проживали две сестры, навеки сохранив тайну их бытия. Тело Ксении так и не нашли. Оно по-видимому сгорело во время пожара ...

Райпродкомиссар Голубцов Георгий Сергеевич

В начале 1920 года, после разгрома Дутова в с.Покровка была установлена Советская власть.

Административно Покровка входила тогда в состав Уральской губернии и именовалась так:

с.Покровка, Покровской волости, уральского уезда, Уральской губернии. Несколько позже, примерно в 30-е годы, Покровка вошла в состав Оренбургской губернии (области).

Первым председателем покровского волостного Совета был Домнышев П.Е.

В январе 1920 года в Покровке по решению губисполкома был организован продкомиссариат. Цель его – изъятие излишков сельхозпродуктов у кулаков и передача ее голодающим рабочим города и отрядам Красной Армии.

Неблагодарная это была работа вытряхивать закрома и подвалы, вызывая жгучую ненависть крестьян. Тогда Советская власть не имела других аргументов кроме угроз и приказа. В этом заключалась ее грубейшая ошибка, антинародный характер этого явления. Но это мы понимаем сейчас по прошествии стольких лет с момента проведения в жизнь вредных политических реформ. А тогда продотряды считались необходимой революционной силой, защищающей интересы трудового народа. Исполнители в этих отрядах были очень честными людьми и наивно верили революции и Родине. Ненависть крестьян к насилию расценивались ими как происки врагов Советской власти.

В начале января 1920 года в Покровку из Уральска прибыл продотряд в составе 13 бойцов комиссариата Голубцова Георгия Сергеевича и его помощника Тюшкова Петра Ивановича.

Отряд поселили на заезжем дворе, принадлежащем волостному Совету, а Голубцов и Тюшков сняли квартиру у Лебеденко и бухгалтера продкомиссариата. Они были почти одинакового возраста Голубцову – 26, Тюшкову – 24.

С первых дней продкомиссар и его помощник развили бурную деятельность. Заготовка продуктов шла полным ходом, вскоре два склада продкомиссариата были заполнены до отказа; подводы с продуктами под охраной уходили одна за одной в уезд.

Но росла и ненависть к продотряду со стороны зажиточных и богатых крестьян, у которых силой забрали сельхозпродукты.

Дом, в котором проживали голубцов и Тюшков, не раз пытались ночью поджечь. Спасали только настороженность и бдительность, присущие советским функционерам того времени. Почти ежедневно под дверь находили анонимные записки, в которых высказывались требование немедленно уезжать отсюда; в противном случае угрожали убить обоих и всех бойцов отряда.

Но молодые люди не обращали внимания на эти угрозы: все свое скудное свободное время они посвящали организации культуры на селе. Тюшков отлично играл на гармонии, мандолине, гитаре. Из учителей русско-киргизского училища и первых комсомольцев он создал струнный оркестр, исполнявший на импровизированной сцене народные и революционные песни того периода. Голубцов заботился о материально-технической стороне: для участников художественной самодеятельности.

Из двух смежных магазинов он оборудовал театр на 150-170 мест, сцену и две комнаты для артистов. Среди простой молодежи и крестьянской бедноты Голубцов и Тюшков пользовались большим уважением.

Это были красивые ребята; высокие, кудрявые, жизнерадостные, щедрые и неподкупные. Квартира у них всегда была открыта для каждого, кому они могли чем-либо помочь. И она никогда не пустовала: особенно любила бывать здесь молодежь. Ребятам и девушкам как-то весело было в обществе этих жизнерадостных, энергичных парней. Способных перейти от забавной шутки к серьезному разговору. Здесь можно было посмотреть ярко иллюстрированные журналы, почитать газеты. Кроме того, гостеприимные хозяева радушно угощали ребят папиросами, а девушек – конфетами.

Однажды теплым июньским вечером, когда Голубцов и Тюшков только что вернулись с работы, к ним постучали. Это был рассыльный волисполкома. Он передал распоряжение губпродкомиссариата: немедленно прибыть в г.Уральск на совещание. Сборы не заняли много времени. Уже через час Голубцов и Тюшков, вооруженные наганями, сидели в тарантасе, а тройкой правил конюх Сайтаков Шаймардан. Председатель волсовета предложил взять с собой для охраны 2-4 красноармейца, но они отказались ...

Дорога была накатанной, хорошо знакомой, они полны сил и энергии. Это путешествие представлялось им чет-то вроде легкой оздоровительной прогулки. Молодость не признает опасности ...

На закате солнца изрядно пропыленные они подъехали к небольшой степной речушке, одному из многих притоков Чилика.

Возле темно-зеленой стены камыша, позолоченной сверху розоватыми лучами заходящего солнца, телега остановилась. «Друзья, купаться! – весело пробасил Голубцов, на ходу снимая портупею с кобурой револьвера. Раздевшись, он с шумом вбежал в чистейшую воду степной речушки, поднимая фонтаны радужных брызг. Тюшков тоже не заставил себя ждать долго. Через 10 минут оба, отфыркиваясь, саженками плыли на перегонки на другую сторону реки ...

Сайтаков тем временем наломав сухой чилиги развел костер, и, зачерпнув речной воды, на двух железных рогатинах подвесил закопченный чайник.

Георгий и Петр уже подплыли к берегу реки (река была довольно глубокой), как друг из-за поворота реки, находившегося от маленького лагеря метрах в 20. вылетала группа всадников, человек десять, и через полминуты была уже возле телеги.

Голубцов и Тюшков не успели добраться до своего оружия, как были уже обезоружены Алаш-ординской милицией под командованием подхорунжего Ахранюка, анархиста и бывшего уголовника, находящегося на службе у «Алаш-Орды».

Сайтаков узнав Алаш-Ординцев, зная эти места, опрометью кинулся в гущу камыша, на три четверти покрывшим пойму безымянной речки.

Было уже поздно: солнце закатилось и синяя мгла затопила окрестности. Преследовать беглеца просто не имело смысла людям, не знавшим рельефа данной местности.

Но Алаш-Ординцам «повезло». Они поймали 2-х главарей продотряда ... Полуголых комиссаров связали и посадили возле костра. Допрашивал их сам Ахранюк с помощью своего друга Шмаргилова П. жителя Покровки.

Как их допрашивали, нельзя вспоминать об этом без содрогания. У них были разрезаны лица, отрезаны уши, выколоты глаза. Наконец их расстреляли, и залитые кровью трупы бросили тут же возле кучки золы, оставшейся от костра. Ночью вернулся Сайтаков с друзьями-большевиками и трупы зверски замученных людей увезли в Покровку и захоронили на кладбище. Могилы их неизвестны.

Вечер у Перехватова

Ласковый пасхальный вечер. Солнце уже довольно низко, но ярко-голубое небо полно еще света и какой-то неизъяснимой чистоты. Веет теплый весенний ветер, напоенный ароматом первых цветов. Выбеленные хатки, утопающие в кружевах цветущих яблонь и вишен, кажутся особенно праздничными.

Сады стоят в сплошном цвету,

Как будто от метели

На ветки белую фату

Все яблони надели ...

По улицам шумными ватагами проходит молодежь с песнями в ярких цветастых платьях и платках, в шляпах с разноцветными шелковыми лентами, в начищенных до блеска сапогах. Иногда из толпы лихо вырывается танцор, он под свист парубков дробит каблуками, напевая что-то вроде:

«Сякий-такий мужичина ...

Або дрова – не лучина ...»

Или разудалую «Камаринскую» -

«Эх! Рассукин сын. Камаринский мужик!»

Самым нарядным выглядит двор Перехватова Петра Степановича, богатого торговца, владельца многочисленных стад крупного рогатого скота, лошадей и нескольких мастерских по выделке кожи ...

Добротный кирпичный дом его и широкий двор с пышным фруктовым садом, огороженный железным узорным забором с острыми штыковыми шипами, были увешаны разноцветными китайскими

.....

Страницы утеряны ...

..... кулачества как класса» представлялось принятие кулаков в колхозы. Как наиболее полезно поступить с кулаком, можно ли навсегда закрыть перед ним двери колхоза? Я думаю, что было бы неправильно навсегда закрыть эти двери» - говорил М.И. Калинин. Вскоре прозвучало категорическое «НЕТ!». Созданная НЭПом добротная основа развития социалистической кооперации в дальнейшем не только не была использована, но оказалась разрушенной. Ленинские пути были извращены, а задания первого пятилетнего плана в конце 1929 года пересмотрены в духе «казарменного социализма». Это породило негативные явления и в теории, и в массовом сознании, и в реальной жизни.

Началось подстегивание коллективизации. На места полетели директивы об ответственности партийных руководителей за темпы организации колхозов.

Нажим еще более усилился после принятого 5\1 – 1930 года Постановления ЦК РКП (б). «О темпах коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству. «Сталин отверг робкие попытки комиссии, готовившей этот документ несколько растянуть сроки коллективизации. Требования повсеместно ее ускорить и сделать «сплошной» обесценили те меры материального и пропагандистского обеспечения колхозов, которые были предусмотрены постановлениями ЦК партии и государства: финансирование, справка в деревню для помощи местным активистам коллективизации более 25 тысяч передовых промышленных рабочих.

Администрирование мешало также воздействию на крестьянство положительного опыта некоторых колхозов, организованных энтузиастами нового строя....

Страницы утеряны ...

..... Но жизнь шла своим чередом, ставила свои задачи в село прибывали все новые поселенцы с разных концов государства великого, преимущественно с Украины, Белоруссии.

1902 год был благодатным для села: на полях созрел урожай, согревший сердца поселенцев, стада пополнились молодым скотом. И постепенно стали забываться ужасы чумного года.

В Покровском произошли большие изменения: разрослось оно, похорошело. Уже больше сотни домиков затененных фруктовыми деревьями на фоне ярких украинских цветников, разбежались по берегу.

Вечерами, возле хат, на скамеечках под тенью яблонь и вишен «вечеряют» усталые люди, отдыхая после трудного рабочего дня.

За садами тянутся огороды, а там всякая всячина: помидоры, фасоль и перец, картофель и редис, а далее – бахчи ... Глаза разбегаются, когда помотришь на море арбузов и дынь, созревающих под жарким июльским солнцем.

Изменения коснулись и социальной структуры поселка.

Братья Свиридовы совместно с купцом Шиховым построили мельницу на Илеке и маслобойный цех верстах пятнадцати от Покровского. Там началось строительство жилья для рабочих – поселенцев и технического обслуживающего персонала. Вскоре возник новый поселок названный Хуторком.

Эти предприятия давали значительный доход их владельцам, так как выпускаемые товары были высшего качества и пользовались на рынках Оренбурга, Илецкой Защиты, Актюбе огромным спросом.

Совместно с этим было создано еще одно предприятие, имеющее также общественный интерес: была поставлена водяная мельница по инициативе богатого торговца скотом Жабасова; поселок получил соответствующее название Жаббатовка. Мука и крупа, производимые на этой мельнице, высоко ценились покупателями.

В центре поселка на Базарной площади раскинулся огромный крытый рынок, где можно было купить бухарский ковер, орловского рысака и чудесное покровское масло.

По бокам рыночной площади поднимались кирпичные здания: бакалейная лавка Давлетгареева и питейное заведение Шихова. Но гордостью и украшением покровского были два Храма, сооруженные прихожанами на соборной площади: в 1903 году по инициативе двух братьев миссионеров – мусульман Ахмета и Махмута была построена мечеть: а в 1907 году поднялась православная церковь, по ходатайству перед Синодом Его Превосходительством Иваном Федоровичем Кириловым.

На самой окраине, возле оврага, в аккуратно выбеленной хатке проживал старый дед Грицай Тимофей со своим сыном Иваном и снохой Палашкой. Издалека, с Полтавщины, привез отца своего приемный сын, не захотел оставлять его одного на произвол судьбы среди чужих людей. Нет никого у деда, кроме ...

Страницы утеряны ...

... Есть у меня настой волчьего корня от живота. Вылечу ... а вам что нужно? – Дед обращается к остальным, лукаво прищурившись. «а мы пришли послушать. Вы в прошлый раз обещали рассказать какую-то историю» - запинаясь, говорят все вместе мальчики и девочки. «Ну если обещал, подсаживайтесь поближе, прямо на траву» Дед усаживается поплотнее в плетенное кресло, набивает трубку табаком, достает кресало и трут. Два мальчика торопливо начинают высекать огонь, ударяя кремнем о кусок железа. Наконец, трут затлел и трубка задымила. «Расскажу - ко я вам старую историю, которая случилась на хуторе возле села Дубровина. Стояли на этом хуторе два дома с огромными дворами, сараями, хлевами. А жили в них две сестры с мужьями. Старшую звали Анной, младшую Марией. Мужа у Анны Степаном, у Марии – Петром. Детей у них не было. А случилась в ту пору Турецкая война. Турки, значит, напали на Русь, и надо было защитить ее от врагов. Степана и Петра призвали в армию на военную службу, на фронт, значит. Степан сказал женам перед отъездом: «Не убивайтесь по нам, не стоните, не плачьте. Это будет хуже для нас и для вас. Раз в неделю помолитесь в церкви за наше здравие и затеплите свечи. В другие дни работайте спокойно, занимайтесь хозяйством и не вспоминайте нас. Помните мои слова!» И мужья уехали воевать. Остались жены одни – одинешеньки. Чтобы было веселее, они один дом заперли, а сами стали жить вместе. Днем работают, работы в хозяйстве хватает. А как только садятся за ужин, начинают плакать и вспоминать своих мужей.

Завет Степана стало быть забыли. И так каждый день: до полуночи слезы и воспоминания, и засыпали со слезами на глазах. А в церковь съездить так и не нашли времени. Прошло полгода. И вот однажды ночью, когда женщины со слезами на глазах уже лежали в постели и обменивались воспоминаниями, вдруг в наружные ворота кто-то постучал, да так громко, что они в испуге вскочили с кроватей и быстро

оделись. Анна сняла ружье со стены и зарядила, а Мария вышла в сени и спросила, кто стучит. Анна приготовилась встретить лихого человека, как вдруг послышались громкие, веселые голоса, и в горницу вошли двое мужчин в солдатской одежде. На шее у одного повисла Мария. Да это же их мужья – Степан и Петро, вернувшиеся с войны! Какая неожиданная встреча, радость! Женщины засуетились, накрывая стол и доставая закуску и выпивку, специально приготовленные для такого случая. Станным только показалось Анне, что мужья сели не в передний угол, обычное место мужчин, а сбоку, куда сажают случайного человека, и даже не перекрестились перед трапезой. Такого ранее с ними не случилось. Какое-то ощущение опасности и беспокойства охватил ее и подозрение закралось в душу. Но она не подала вида и продолжала с наигранной веселостью угощать пришельцев. Мужья ели с необыкновенной жадностью. Что ни принесут, через пять минут уже пустые тарелки. Анна, вытирая стол, нечаянно уронила блюдце на пол и разбила его. Она присела на корточки и стала собирать черепки. И вдруг обомлела от ужаса. Под столом у «мужей» вместо ног были конские копыта. Анна поняла, кого они впустили ночью.....

Страницы утеряны ...

...Всеобщее внимание привлекала Ася, двадцатилетняя девушка, дочь Перехватова – стройная красивая шатенка с пышными каштановыми волосами, ослепительной улыбкой и глазами цвета морской волны.

Она мастерски рассказывала анекдоты, вызывая улыбку на суровом лице есаула Сибирцева, весь вечер не сводившего с нее глаз. Ася хохотала, дурачила его, строила глазки и не давала ни малейшей надежды на интимную беседу. Сибирцев изрядно выпил и порывался поговорить с ней наедине.

Но вот подошел к столикам статный высокий красивый молодой человек в морской форме и, обратившись к Асе, отчеканил: «Старший матрос Его императорского Величества Черноморского флота Алексей Андреев прибыл для прохождения краткосрочного отпуска в Ваше распоряжение!» ...

Ася как-то смутилась сразу, как-то внутренне вся засияла, и, ни на кого не глядя, взяла матроса за руку и потянула за собой к беседке.

Вся кровь хлынула в лицо щеголеватого есаула; ненависть, подогретая вином, затмила его разум. Не успели молодые люди сделать и десяти

шагов, как есаул был уже между Асей и Алексеем. Не глядя, судорожно сжав кулаки, он по-боксерски ударил Алексея в подбородок.

Матрос ударил есаула. И вскоре оба, сцепившись, покатались по траве. Подскочил прапорщик с нагайкой, чтобы проучить дерзкого матроса. Но не ударил, так как мог попасть в есаула.

Новый метод выбран, удар и нагайка ... сбивает с ног подскочившего незаметно под руку хозяина.

Но вот Алексей оторвался от противника, встает и быстрыми шагами идет к выходу и вскоре исчезает в ночной мгле. Сибирцев в ярости вскакивает, опрометью вбегает в комнату, хватая заряженный наган и бежит на улицу, цедя сквозь зубы: «Ничего, сволочь, от пули не уйдешь! ... Но поздно, Андреева нет, и бежать за ним бессмысленно.

Алексей, между тем, зашел к своему двоюродному брату Дмитрию и рассказал, что с ним случилось. Домой идти нельзя: обязательно будет облава, оставаться здесь тоже опасно, могут найти. Надо немедленно уходить в Оренбург к Коростелеву, с которым он однажды встречался на совете казацких. Солдатских и крестьянских депутатов.

Братья быстро одеваются, берут вещи и продукты, винтовку, сохраненную от дутовцев с полным запасом патронов и исчезают по только им известным тропинкам ...

Коллективизация

5 (18) марта 1918 года в Уральске и Актюбинске проходил Первый уездный съезд Советов, на котором был разрешен земельный вопрос. На основании исторического декрета от 26 октября (8 ноября) 1917 года о земле в пользование трудящихся крестьян формально перешли бывшие помещики и байские имения и земли отмежеванные.

Несмотря на грозное время гражданской войны крестьяне отдельных районов оренбургской, Уральской и Актюбинской областей изъяли у кулаков и баев в соответствии с постановлением Первого уездного съезда Советов и создали более 30 сельскохозяйственных коммун и артелей.

В 1920 году разразился джунт, не уродились травы и хлеб.

В то время, когда крестьяне в области терпели жестокую нужду, первые сельскохозяйственные коммуны и артели, обобществив свое имущество, и, благодаря коллективному труду, сравнительно легко выдержали эти испытания.

В Покровке первые коллективные хозяйства существовали в трех основных формах: коммуны, артели, товарищества по совместной обработке земли (ТОЗы).

Ленинский принцип добровольности был нарушен; кулаком и подкулачником объявлялся тот, кто не хотел вступать в колхоз. Наказание полагалось одинаковое: раскулачивание, т.е. конфискация имущества и лишение свободы. Это коснулось нескольких миллионов людей. Такими средствами удалось за первые три месяца 1930 года увеличить число записанных в колхоз крестьянских хозяйств почти в три раза, доведя их «охват» до 60%. Ограничивалось право выбора крестьянами ферм колхозного строительства. Постановление от 5 января 1930 года было ориентировано на создание сельскохозяйственных артелей. Рассматриваемых как форма перехода к коммуне.

В связи с этим происходило принудительное обобществление домов, мелкого скота и даже птицы. В 1933 году были введены обязательные поставки колхозами продукции государству по низким ценам. Колхозники фактически перестали быть хозяевами произведенной продукции.

Какова же цена сплошной коллективизации? В 1929 году кулаки составляли примерно 3% крестьянских хозяйств. А число «раскулаченных» доходило до 15%. Количество «лишенцев»

(незаконно лишенных избирательных прав из-за отказа вступить в колхозы) поднималось до 30%. Все эти явления нашли отражение и при организации колхоза в Покровке. До 1929 года здесь, как и в других регионах государства, коллективизация проводилась на добровольной основе. Но уже с июля 1929 года этот принцип был отброшен директивными указаниями «сверху». Вследствие этого многие честные и трудолюбивые граждане Покровки были ...

Далее порядка 9 страниц текста утеряны

Продолжение .... Во главе с председателем волостного Совета Лисицыным и милиционером, секретарем комсомольской ячейки – Павленко. Кроме их в группу входили братья и сестры Волковы. Председатель медленно подошел к хозяину, выгребавшему из сарая навоз, и достав из внутреннего кармана кожанки две бумажки, сурово сказал: «Вот. Андрей Иванович, ордер на конфискацию кулацкого хозяйства, а этот – на твой арест».

Зайцев бросил вилы, сел на распиленный чурбан возле сарая и молча, дрожащими руками стал свертывать сигарку ...

Комсомольцы тем временем из загона выгнали скот и погнали по двору к открытой калитке. Из дома выскочила жена Андрея Ивановича и две снохи с криком кинулись к коровам, милиционер остановил их, пригрозив наганом ...

Между тем, ко двору подошли две подводы: на телегу с высокими бортами погрузили конфискованную пшеницу, на другую – самого хозяина в наручниках и той одежде, в которой он чистил сарай ...

Зайцев пропал без вести, вероятно, был расстрелян, а за что – никто не ведает ...

Попал под колесо коллективизации и Свиридов Ермолай Семенович, человек обремененный многочисленной семьей. Он был раскулачен и предан суду только за то, что имел пять коров, три быка и пятьдесят овец. Ермолай Семенович тоже не вернулся домой, и, быть может, замучен где-нибудь в болотах лесоповала или карьерах вечной мерзлоты.

Не избежал печальной участи как «подкулачник» и «враг народа», и Сахацкий Иван Кириллович, владелец 2 коров и одной кобылы. Он проработал пять лет на Беломорканале и вернувшись домой крайне

истощенным и больным, всего три дня прожил среди родных: скоротечная чахотка увела его безвременно в могилу ...

Вы помните тех, кто от горя немели,

Копая канавы, корчюя леса ...

Пусть правду они доказать не сумели,

Но люди услышали их голоса ...

Такая политика проводилась сознательно. Она не была только олицетворением случайных перегибов. Она побуждала в минимальный срок создать крупные хозяйства, которые пусть ценой собственного оскудения, могли бы дать за бесценок тот минимум товарной продукции, который можно было бы использовать для распределения по карточкам в городах, а также для экспорта. Другая цель состояла в обеспечении новых индустриальных городов – строе, а также отдельныхстроек дешевой рабочей силы. При этом речь шла не только о свободном переходе крестьян в промышленность при наборе рабочей силы в колхозах по договорам. В 30-е годы начал широко использоваться бесплатный принудительный труд миллионов заключенных в лагерях (в частности, на заготовке леса для обеспечения экспортных планов). Деревня же, лишившаяся рабочих рук, начала приходить в упадок.

Он был вызван многолетней перекачкой средств из сельского хозяйства в промышленность через бюджет.

Катастрофическим было сокращение поголовья скота в 30-5 годы, падение сборов зерна. Резко снизились потребление мяса, молока и многих других продуктов. В 1982-1933 годах в ряде крупных сельских районов разразился голод. Политика оскудения и упадка хозяйства оказала свое отрицательное влияние на экономику Покровки.

Хищническое пользование землей, «вытряхивание» до последнего зернышка из закромов колхоза довело крестьянство до полной нищеты.

Зарботки у колхозников были настолько низкими, что даже не обеспечивали прожиточного минимума человека.

Например, на трудодень выдавалось от 5 до 10 копеек деньгами и 300-400 граммов сырого зерна.

Люди теряли веру в лучшую жизнь и при первом удобном случае бежали из деревни в город. Жизнь в деревне, несмотря на репрессии,

постепенно замирала, двери и окна домов забивались досками, дворы зарастали травой. Земля ждала хозяйского отношения.

Таково было положение колхозного крестьянина перед Отечественной войной.

Первый учитель

Первое учебное заведение – начальная школа – была открыта в Покровке в августе 1906 года, преподавание в которой велось на русском языке. Основная часть населения были русские и украинцы.

Открытие проходило в торжественной обстановке в здании волостного управления в присутствии волостного и уездного начальства и купца первой гильдии Деева, который выделил средства на народное образование, оказавшееся в последствии ясно недостаточными даже для скромного оборудования начальной школы. Были приглашены более или менее зажиточные родители будущих учеников, которые могли в случае необходимости оказать материальную поддержку школе.

На открытии выступил инспектор народного образования Лобов А.Н. Он рассказал о значении народного образования в жизни государства и представил обществу первого учителя тридцатилетнего Кожухаренко Ивана Демьяновича, окончившего учительскую семинарию и фантастически преданного делу народного образования. Сколько труда приложил он, чтобы оборудовать две пустых комнаты в саманном домике волостного управления. Каждую книгу, каждую тетрадь, парты и столы грузил он сам и вез по бездорожью из Ак-тюбе в Покровку. А сколько унижений перенес он, выпрашивая средства для приобретения новых наглядных пособий.

1 сентября 1906 года за парты сели первые пятнадцать учеников.

Иван Демьянович с первых дней своей работы вызвал любовь и уважение односельчан. Жена его, Антонина, окончившая женские медицинские курсы, была направлена вместе с ним как фельдшер-акушер.

Кожухаренко И.Д. был очень добрым, справедливым и требовательным учителем. Каждого ученика он тщательно изучал, знал его хорошие и слабые стороны, стараясь прежде всего помочь.

По его инициативе был создан при школе опекунский совет из числа богатых и влиятельных людей.

Цель этого совета помочь школе материальными средствами. И надо сказать, что остро нуждающиеся учащиеся получали одежду за счет казны.

А ученики платили своему наставнику такой безграничной преданностью и любовью, что трудно представить в настоящее время.

В школе, несмотря на ее бедность, было всегда чисто, аккуратно прибрано: ученики следили за этим.

Иван Демьянович привез из Актюбинска волшебный фонарь и целую коробочку с диапозитивами.

Оборудовав одну из классных комнат для проекционного фонаря, Кожухаренко стал регулярно демонстрировать показ для учащихся, так и для взрослых. Взрослая молодежь по достоинству оценила деятельность учителя. Особенно запомнились такие картины как «Наполеон», «Александр Невский», «Князь Пожарский», Иван «Грозный».

Иван Демьянович был желанным гостем в каждом родительском доме, он знал бытовые условия жизни каждого воспитанника.

Он прививал своим ученикам любовь к родному краю не только с помощью бесед и рассказов, но и личным участием каждого в изучении природы: он предпринимал 2-3 дневные походы с шалашами, кострами, ухой, сбором материалов гербарий, образцов глины. При этом во время отдыха, перед сном, где-нибудь среди живописной природы, он с воодушевлением рассказывал о великих исторических событиях, прославляющих нашу Русь, наш народ, знакомил с творчеством знаменитых писателей, известных всему миру, как например: «Хижина дяди Тома» Бичерстоу, «Овод» Войнович, «Последний из могикан» Фенимора Купера и т.д.

Утро 25 мая 1907 года выдалось теплым и ласковым: на темно-голубом небе, усыпанном яркими звездами, ни облачка. Степь, напоенная ароматом цветов и трав, еще окутана полумраком, легкий белесый туман висит над рекой. Тихо. Только алая полоска зари, взметнувшаяся над степью, говорит о том, что утро уже наступило.

На школьном дворе, возле калитки, кучка детей: семь мальчиков и три девочки. У детей в руках сумки и корзинки с продуктами.

Все девочки в ситцевых цветастых платьях и платочках, мальчики на выпуск с ремешками и шароварах, заправленных в сапоги.

Дети шепчутся в ожидании учителя. Распахивается дверь школы и на скрипучее крыльцо выходит Иван Демьянович в охотничьей куртке, высоких сапогах, подпоясанный патронташем, с двустволкой за спиной.

В руках у него туго набитый солдатский ранец. Он улыбается: «Здравствуйте, мои хорошие!» дети в знак приветствия почтительно кланяются учителю. «Поздравляю вас с окончанием учебного года. Закончили Все. Второгодников нет. Только Оле Петренко советую

повторить математику. Это поможет ее лучше усвоить.» Маленькая худенькая девочка с большими голубыми глазами и толстой светлорусой косой заливается румянцем в знак согласия кивает головой.

- Я доволен вами дети. Передайте это вашим родителям. Вы хорошо потрудились зимой, выполнили свою задачу. Сегодня мы с вами в честь окончания учебного года совершим небольшой однодневный поход. Цель похода – лучше узнать свой родной край, закрепить полученные о природе знания. Мы идем до хутора, будем ночевать на берегу реки.

Измерим расстояние, проверим состав почвы, соберем гербарий, установим видов растений. Ну, конечно, и отдохнем. Наловим рыбы, сварим уху, вскипятим чай, покупаемся. Я перед сном вам расскажу что-нибудь или почитаю интересную книгу ...

Неширокая степная дорога серой лентой вьется между зелеными холмами. Небольшой отряд весело шагает вперед, поднимая столбы пыли за собой. Девочки собирают цветы, травы, что-то напевая себе под нос, мальчики ищут камни и глину, сортируя их по мешочкам, специально приготовленным для этой цели. Иван Демьянович всех впереди с блокнотом, внимательно оглядываясь вокруг, что-то записывает.

Солнце было довольно низко, когда отряд снова подошел к степной речке, приветливо сверкнувшей сквозь ветви небольшой рощицы.

«Вот мы и пришли. Теперь за дело – Иван Демьянович снял с ремня дорожный топорик.

- Мы с мальчиками строим из камыша два шалаша, девочки подбирают возле реки место для костра и ужина ...»

Через час на расчищенной площадке на берегу реки стояло уже два шалаша из камыша, переплетенных плотно ивняком, а на влажном песке, приветливо потрескивая, разгорался ярким пламенем костер из сухого валежника, подвешенными на рогатинах ведрами: одно для чая, другое для ухи.

Иван Демьянович проверил заранее предусмотрительно поставленные переметы и на песке забились линии, сазаны, язи, караси, щуки ...

Умывшись и вкусно поужинав свежей ухой, ребята удобно расположились вокруг костра и приготовились слушать:

Иван Демьянович, прихлебывая из кружки чай, начал издали: «Здесь, друзья, вот в этих местах проживали кочевые племена, сродни нашим казахам. Они не занимались земледелием, а жили только за счет скота,

не запасали для животных корм, богатство стад зависело только от природы. Гололед весной, глубокий снег и сильные морозы иногда за зиму уничтожало стадо и люди погибали с голоду. Хорошо жили только богатые баи, да и они должны были постоянно пополнять свои стада, чтобы существовать. А пополняли они за счет захвата чужого скота. Поэтому кочевые феодалы вели бесконечные войны, они нападали на восточные границы русского государства и приносили огромный вред нашему народу. Чтобы обезопасить свои границы с востока, нужно было посылать сюда войска и создавать крепости. Положение народа в то время в русском государстве было очень тяжким. Помещики зверствовали, крестьяне бежали в леса, степи: для спасения собственной жизни вынуждены были заниматься разбоем. Их ловили, вешали. Чтобы привлечь на свою сторону разбойников, царь издал Указ, согласно которому разбойным людям вина прощалась, коль они вливались в царское войско или шли служить на восточные рубежи русского государства.

Книга, о которой я сейчас поведу рассказ, принадлежит перу замечательного русского писателя А.К. Толстого и повествует как раз о событиях этих дней. В частности в ней рассказывается о судьбе двух друзей: Ермаке Тимофеевиче и Иване Кольцо (Ванюха Перстень), в прошлом бежавших от жестоких помещиков и возглавивших разбойничьи шайки. После Указа Ивана Грозного Ермак Тимофеевич вместе со своими разбойниками перешел на царскую службу и решил присоединить Сибирь к русскому государству. Иван Кольцо (Ванюха Перстень) влился в войско Ермака Тимофеевича и вскоре стал одним из храбрейших и талантливых командиров.

Русские воины с побежденными с побежденными обращались гуманно, как с равными, не превращали их в рабов. Поэтому все покоренные сибирские кочевники получили российское гражданство на равных правах с русскими людьми, жизнь их стала более полноценной и безопасной. Благодаря этому они стали переходить на оседлый образ жизни.

25 мая 1568 года воины Ермака Тимофеевича прошли здесь по нашему маршруту, неся благодатную весть о присоединении Сибири к России. Они самоотверженно и мужественно служили Руси, и все в историю вписали свои имена.

Москва с восхищением встречала посланцев Ермака Тимофеевича. Сам царь Иван Грозный при встрече проявил благородство и великодушие: он простил этим людям их былые провинности, а за

хорошую службу наградил воинскими почестями. А Ермаку Тимофеевичу присвоил титул князя Сибирского. Вот как сказано в книге:

«Шепот, раздавшийся во дворце между придворными, был внезапно прерван звуками труб и звоном колоколов. В палату вошли, предшествуемые шестью стольниками, посланцы Ермака, а за ними Максим и Никита Строгоновы с дядею Семеном. Позади несли меха, разные странные утвари и множество необыкновенного, еще невиданного оружия.

Иван Кольцо, шедший во главе посольства, был человек лет под пятьдесят, среднего роста, крепкого сложения, с быстрыми пронизательными глазами, с черною, густою, но короткою бородою, подернутой проседью.

«Великий государь! - сказал он, приблизившись к ступеням престола, - казацкий твой атаман Ермак Тимофеевич, вместе со всеми твоими опальными волжскими казаками, осужденными твоей царской милостью на смерть, старались заслужить прощения своей вины и бьют тебе челом новым царством. Прибавь, великий государь, к завоеванным тобою царствам Казанского и Астраханского еще и Сибирское. Доколе Всевышний благоволит стоять миру.

И проговорив свою краткую речь, кольцо вместе с товарищами опустил на колени и преклонил голову до земли.

Встаньте, добрые слуги мои! – сказал Иван. – «Кто старое помянет, тому глаз вон, и быть той прежней опале не в опалу, а в милость. Подойди сюда, Иван!»

И царь протянул к нему руку, а Кольцо подтянулся с земли, и, чтобы не стать прямо на червленое подножие престола, бросил на него сперва свою баранью шапку. Наступил на нее ногою и, низко поклонившись, приложил уста свои к руке Иоанна, который обнял его и поцеловал в голову. «Благодарю преблагую и пресущественную триицу, - сказал царь, подымая очи к небу, - зрю надо мною всемогущий промысел божий, яко в то самое время, когда теснят мои враги и даже ближние слуги с лютостью умышляют погубить меня, всемилостивый Бог дарует мне верх и одоление над «погаными», славное приращение моих государств!»

И, обведя торжествующим взором бояр, он прибавил с видом угрозы: «А ще Господь за нас, никто ж на НЫ! Имеющие уши слышати Да слышет!»

Но в то же время он почувствовал, что напрасно омрачает общую радость, и обратился а Кольцо, милостиво смягчая выражение очей: «Как нравится тебе на Москве? Видывал ли где такие палаты и церкви? А ли, может, ты уже прежде бывал здесь?» Кольцо улыбнулся украдкой скромно – лукавой улыбкой, и белизна зубов его ка будто осветила его смуглое загорелое лицо.

«Где нам, малым людям, такие чудеса видать! – сказал он, скромно пожимая плечами. – Но и во сне такой лепоты не снилось, великий Государь! Живем на Волге по-мужицки, про Москву только слухом слышали, а в этом краю отродясь не бывали! «Поживи здесь, сказал Иоанн благоволительно – я тебя изрядно велю угостить. А грамоту Ермака мы прочли и вразумели и уже приказали князю Болховскому и да Ивану Глухову с пятью стами стрельцами идти помогать вам».

«Премного благодарствуем – отвечал Кольцо, низко кланяясь, только не мало ли будет великий Государь?»

Иоанн удивился смелости Кольцо. «Вишь, ты какой приткий? – сказал он глядя на него строго – Уж не прикажешь! Ли мне самому пробежать к вам на прибавку? Ты думаешь, мне только и заботы, что ваша Сибирь? Нужны люди на хана и на Литву.

Бери что дают, а обратным путем набирай охотников. Довольно теперь всякой голи на Руси. Вместо того, чтобы докучать мне все дни о хлебе, пусть идут селиться на те новые земли! И Архиерею вологодскому написали мы, чтоб отрядил десять попов обедни вам служить и всякие требования исполнять.»

«И на этом благодарим твою царскую милость, ответил Кольцо, вторично кланяясь. – Это дело доброе только не пожалей уж великий государь, поверх попов и оружия нам, сколько .... Можно, и зелья огнестрельного поболее!» не будет вам и в этом оскудения. Есть Болховскому про то Указ от меня. «Да и уж пообносились мы больно, - заметил Кольцо, с заискивающей улыбкой и пожимая плечами.

«Не бось некого в Сибири по дорогам грабить? – сказал Иоанн, недовольный настойчивости атамана. – Ты, я вижу, ни одной статьи не забываешь для своего обихода, то и мы нашим слабым разумом обо всем уже подумали. Одежду вам поставят Строгоновы; я же положил свое царское жалованье начальным и родовым людям. А чтоб и господин советчик, не остался без одежды, жалую тебе шубу с моего плеча!»

По знаку царя два стольника принесли дорогую шубу, покрытую золотою парчой, и надели на Ивана Кольцо. Язык-то у тебя, я вижу

остер, сказал Иоанн. – а есть ли острая сабля?» «Да была недурна, великий государь, только притупилась маленько о сибирские головы!» - Возьми из моей оружейной саблю, какая тебе более приглянется, да смотри, выбирай по сердцу, которая покраще. А в прочем ты, я думая чиниться не будешь!»

Глаза атамана загорелись от радости. Великий государь! – воскликнул он, - изо всех твоих милостей эта самая большая! Грех было бы чиниться на твоём подарке! Уж выберу в твоей оружейной что ни есть лучшее! Только, - прибавил он, немного подумая, - ко ли ты, государь не пожалеешь своей сабли, то позволь лучше отвезти ее от твоего имени Ермолаю Тимофеевичу!»

«Об нем не хлопочи, мы его не забудем. А коли ты боишься, что я не сумею угодить его милость, то возьми две сабли, одну себе, - другую Ермаку. «Исполать же тебе, государь. – воскликнул Кольцо в восхищении. – Уж ты этими двумя саблями послужим твоему царскому здоровью!

«Но сабли не довольно, - продолжал Иоанн. – Нужны еще добрые брони. На тебя-то мы, примерявшись найдем, а на Ермака кабы за глаза не ошибиться. Какого он будет роста?» Да, пожалуй, будет с меня, только в плечах пошире. Вот хоть бы этого молодца, - сказал Кольцо, оборачиваясь на одного из своих, товарищей, здорового детину, который принесши огромную охапку оружия и свалив ее на землю, стоял позади его с разинутым ртом и не переставая дивиться на одежду царя, то на убранство рынд, окружающих престол. Он даже попытался вступить потихоньку с одним из них в разговор, чтобы узнать, не все ли они царевичи? Но рында посмотрел на него сурово, что тот не возобновлял более вопроса.

Принесите сюда, - сказал царь, - большую броню с орлом, что висит в оружейной на первом месте. Мы примерим на этого пучеглазого»

Вскоре принесли тяжелую железную кольчугу с медную каймой вокруг рукавов и подола и с золотым двуглавыми орлами на груди и спине. Кольчуга была скована на славу и возбудила во всех одобрительный шепот.

«Надевай ее, тюлень! – сказал царь. Детина повиновался, поскольку он не мог в нее пролезть и допихнув руки только до половины рукавов.

Какое-то давно забытое воспоминание мелькнуло при этом виде в памяти у Иоанна» Будет! – сказал Кольцо, следивший заботливо за детинкой, довольно пялить царскую кольчугу-то! Пожалуй, разорвешь ее медведь!»

Государь, продолжал он, кольчуга – то добрая, и будет Ермолаю Тимофеевичу в самую пору; а этот потому влезть не может, что ему кулаки влезть мешают. Этаких кулаков ни у кого нет, кроме него». «А ну-ка покажи свой кулак!» - сказал Иоанн, с любопытством взглядываясь в детину. Но детина смотрел на него в недоумении, как будто не понимая приказания. «Слышишь дурень, - повторил Кольцо; - покажи кулак его царской милости! «А коли он мне голову срубит? – сказал детина протяжно, и на глупом его лице изобразилось опасение. Царь засмеялся, и все присутствующие с трудом удержались от смеха. «Дурак, дурак – сказал Кольцо с досадой. – Ты всегда дурак и теперь дураком остался!»

И высвободил детину из кольчуги, он подтащил его к престолу и показал царю его кисти, более похожую на медвежью лапу, чем на человеческую руку.

«Не взыщи, великий государь, за его простоту. Он в речах глуп, а на деле парень добрый. Он своими руками царевича Маметкулу полонил»

«Как его зовут? – спросил Иоанн, все пристальнее взглядываясь в детину.

«А Митькою!» - отвечал тот добродушно.

Постой! – сказал Иоанн, узнавая вдруг Митьку, - ты никак, тот самый, что в Слободе за Морозова бился и Хомяка оглоблей убил? Митька глупо улыбнулся.

«А я тебя сразу не признал! – А теперь вспоминаю твою рожу!»

«А я тебя сразу признал! – ответил Митька с довольным видом, ты на самом высоком ослоне у самого поля сидел! Этот раз все громко засмеялись.

«Спасибо тебе, - сказал Иоанн, что не забыл ты меня, малого человека. Как же ты Маметкула-то в полон взял? «Жовотом навалился! – ответил Митька равнодушно и не понимая чему опять все захохотали. «Да, - сказал Иоанн, глядя на Митьку, - когда этакий чурбан навалится, из под него уйти нелегко. Помню, как ты Хомяка раздавил. Зачем же ты ушел тогда с поля? Да как ты на слободы в Сибирь попал?»

Атаман толкнул Митьку неприметно локтем, чтобы молчал, но тот принял это в знак в противном смысле.

А он меня с поля увел? – сказал он, ткнув пальцем на атамана. А Он тебя? – произнес Иоанн посматривая с удивлением на Кольцо. – А как

же – продолжал он вглядываясь в него, - какие как же ты сказал, что в первый раз в этом краю? Да – погоди-ка, брат, мы кажется, с тобою старые знакомые. Не ты ли мне когда-то про Голубиную книгу рассказывал? Так, так, я тебя узнал. Да ведь ты и Серебряного из тюрьмы увел. Как же это, божий человек ты прозрел с того времени? Куда на богомолье ходил? К каким мощам прикладывался? И наслаждаясь замешательством Кольца, царь устремил на него свой пронизательный, вопрошающий взгляд. Кольцо опустил глаза в землю.

«Ну, сказал, наконец царь, - что было, то было, а что прошло, то травой заросло. Поведай мне только зачем ты после разанского дела, не захотел принести мне повинной вместе с другими ворами?»

- «Великий государь, - ответил Кольцо, собирая свое присутствие духа, - не заслужил я еще тогда твоей великой милости. Совесть мне было тогда тебе на глаза показаться, а тогда князь Никита Романович довел к тебе товарищей, я вернулся опять к Волге, к Ермаку Тимофеевичу, не приведет ли Бог какую новую службу тебе сослужить!»

«А пока мою казну с судов воровал, да послов кизилбазских на пути к Москве грабил?» - вид Ивана Васильевича был более насмешлив, чем грозен. Со времени дерзостной попытки Ванюхи Перстня или Иона Кольца, прошло семнадцать лет, а злопамятность царя продолжалась так долго, когда она не была возбуждена прямым оскорблением его личного самолюбия. Кольцо прочел на лице Ивана Васильевича одно желание посмеяться над его замешательством. Соображался с этим расположением, он потупил голову и погладив затылок, сдерживая на лукавых устах своих заметную улыбку. «Всяко бывало, великий государь! – проговорил вполголоса он Виноваты перед царскойю твоею милостью!»

«Добро! – сказал Иоанн, - вы с Ермако свои вины загладили, и все прошлое забыто: кабы ты прежде попался мне в руки, ну тогда не прогневайся» ...

Кольцо не ответил ничего, но подумал про себя: «Зачем-то я тогда и пошел к тебе с повинной, великий государь!»

Погоди-ка продолжал Иоанн, - здесь должен быть твой приятель! – Эй! – сказал он, обращаясь к цареводствам, - здесь ли тот разбойничай воевода «Никита Серебрянный?» Говор пробежал по толпе и в рядах сделалось движение, но никто не ответил.

Слышите? – повторил Иоанн возвышая голос, - я спрашиваю, тут ли тот Никита, что отправился к Жиздре с ворами служить?»

На второй вопрос выступил из рядов старый боярин бывший когда – то воеводою в Калуге. – «Государь, - сказал он с низким голосом и поклоном, - того, о ком ты спрашиваешь, здесь нет. Он в тот год, как пришел на Жиздру, тому будет семнадцать лет, убит татарами и вся дружина вместе с ним полегла. «Право, сказал Иоанн, - а я и не знал!» «Ну, - продолжал он обращаясь к Кольцу: на нет и суда нет, а я хотел Вас свести и посмотреть, как вы расцелуетесь. На лице атамана выразилась печаль. «Жаль, государь! – сказал Кольцо, не боясь раздражить царя этим признанием ...

«Поживи здесь, сказал царь Ивану Кольцо, а когда придет Болховскому выступать, иди с ним обратно в Югорскую землю ... Да я и забыл, что Болховский свое колено от Рюрека ведет. С этими вельможами князьями управляться нелегко: пожалуй, и со мной захотят в разрядах считаться! Не все они. Как тот Никита а в пограничники просят. Так чтобы не показалось ему обидным быть под рукою казацкого атамана, жалу. Ныне же Ермака князем Сибирским!»

«Щелкалов, - сказал он стоявшему поодаль думному дьяку, - заготовь к Ермаку милостивую грамоту, чтобы воеводствовать ему над всею землей Сибирской, а Маметкула чтобы в Москве за крепким караулом прислал.

Царь занялся рассмотрением мягкой рухляди и прочих даров присланных Ермаком, и отпустил Ивана Кольцо, сказав ему несколько милостивых насмешек.

В этот день Кольцо вместе со Строгоновым обедал у Бориса Федоровича за многолюдным столом. После обычного осушения кубков за здоровье царя, царевича всего царского дома и высокопреосвященство митрополита Годунова поднял золотую братину и предложил выпить за здоровье Ермака Тимофеевича и всех его добрых друзей.

«Да живут они долго на славу Русской земли! – воскликнули все гости, вставая с мест и кланяясь Ивану Кольцо ... Бьем тебе челом ото всего православного мира. – сказал Годунов с низким поклоном, - а в твоём лице к Ермаку Тимофеевичу. От всех князей и бояр, ото всех торговых людей, ото всего русского народа. Прими ото всей земли великое челобитье, что сослужили вы ей службу великую!» Да перейдут, воскликнули гости, имена вашим сыновьям, и ко внука. И к

поздним потомкам, на вечную славу, на любовь и образец, на молитвы и подчинение!»

Атаман встал из-за стола, чтобы благодарить за честь, но выразительность его лица внезапно изменилась от душевного волнения, губы задрожали, а на смелых глазах, быть может, первый раз в жизни навернулись слезу. «Да живет Русская земля! – проговорил он тихо, и поклонившись на все стороны, сел опять на свое место, не прибавляя ни слова. Годунов попросил рассказать что-нибудь про свои похождения в Сибири, и Кольцо, умалчивая о себе, стал рассказывать с воодушевлением при необыкновенную силу и храбрость Ермака, про его строгую справедливость и про христианскую доброту, с какою он всегда обходился с побежденными. «На эту доброту, - заключил Кольцо, - Ермак Тимофеевич взял пожалуй еще более, чем своею саблей. Какой острог, город ихний, бывало завоюет, он тотчас всех так обласкает, да еще и одарит. А когда мы взяли Маметкулу, так уж он и не знал, как и честить его, с плеч своих шубу снял и надел на царевича. И пошла про Ермака молва по всему краю, что по его руку сдаваться не тяжело: и много разных князьков тогда сами же пришли и Ясек принесли. Веселое нам было житье в Сибири, - продолжал атаман, - об одном я только жалел, что не было с нами князя Никиты Романовича Серебряного: и ему бы по сердцу пришлось, и нам вместе было бы могущественнее. Ты кажется, Борис Федорович, был в дружбе с ним. Дозволь же теперь про его память выпить!»

«Царство ему небесное! – сказал со вздохом Годунов» «Царствие ему небесное, - повторил он, наливая стопу, - часто я о нем вспоминаю.

Вечная ему память! – сказал Кольцо, и осушив свою стопу, он опустил голову и задумался ...

Когда Иван Демьянович кончил читать, увидел на глазах многих учеников навернувшиеся слезу. Дети разошлись по шалашам: девочки в свой, мальчики – тоже.

Вскоре маленький лагерь погрузился в сонную тишину.

Только над шалашами тих шелестели березки, навевая ребятам светлые грезы.

С темно-голубого неба светились звезды, и ярко сверкал таинственный серп полумесяца откуда-то, быть может из-за ближнего колка доносятся протяжные стоны выпи.

Лишь не спал учитель, охраняя сон детей. Подбрасывая хворост в костер, он сидел задумавшись освещенный пламенем. Быть может, перед его взором проходили великие люди прошлого. Вот князь Серебряный уходит со своей дружиной в далекую, никому неизвестную Жиздру ни ради славы и наград, а чтобы защитить от варваров свою многострадальную Русь. Проплывает перед ним мужественные всадники, закованные в кольчуги: Ермак Тимофеевич и Иван Кольцо впереди войска, открывшие бескрайние просторы Сибири.

Они воины. Но не мечами воюют они, а добрым словом, добрыми делами. И понимают это коренные жители Сибири, кочевники, и добровольно становятся под их знамя, умножая славу и мощь русского государства.

Быть может, Ивану Демьяновичу хотелось, чтобы эти дети несчастных поселенцев выросли красивыми и мужественными людьми и также, как князь Серебряный, Иван Кольцо и Ермак Тимофеевич посвятили свою жизнь службе Отечеству.

Быт поселенцев

Первые поселенцы вели патриархальный образ жизни, строго относились к заветам предков по отношению к религии, правилам обрядности, нравственности и честности. Большому позору подвергался тот, кто позволял себе работать в праздники. Но зато в будни работали не покладая рук день и ночь. Особенно женщины, которые пряли и ткали. Честность поселенцев наблюдалась в каждом деле: часто случалось, что нашедший утерянную другими вещь не успокаивался до тех пор, пока не отыскивался ее хозяин. Бывали, конечно, исключения, но очень редко.

Припоминается, например, такой случай, когда одна из поселенок по кличке «Фенька» утаила найденное ею пальто, утерянное пятилетним мальчиков. Эта история потом выяснилась, и Феньку крестьянский сход строго осудил.

Подобных случаев как будто бы больше не повторялось.

Краж между собой не было, ворот и заборов не существовало. Но на выгоне и в поле во время пашни часто случались кражи, которыми занимались казахи-кочевники и отчасти случайные воры-профессионалы, бродившие по всем направлениям.

Бывали и такие происшествия. Однажды осенним вечером к Зазулям постучали два странника, по их объяснениям из села Ветлянки, и попросили ночлега. Раньше Покровчане были рады приходу гостей и поэтому странников встретили с радушием, как говорится, с хлебом-солью. День был субботний, и гостям предложили помыться в бане, имевшейся тогда почти в каждом доме.

Растительный и животный мир поселка Покровка

Экология поселка сложна и многогранна, так как Покровка находится на стыке двух зон: лесостепи и степи. Это определяет ее своеобразие, касающиеся растительного и животного мира.

Открытые, нераспаханные участки покрыты густым травостоем из злаков и разнотравья, здесь много ковыля с красноватыми стеблями и пырея с подземными ползучими корневищами.

Среди злаков возвышается морковник с зонтиком мелких беловато-зеленых цветков, подмаренник и белые шапки цветущего лабазника. Встречаются бобовые - мышинный горошек и клевер. На открытой местности в травостое преобладают степные злаки – ковыля и типчака. Кустарники этих злаков состоят из большого количества соломинок. Встречаются ковыли гладкие, без пушка остями, их зовут ковылями-волосатиками, или тырсой. Остистые плоды этих ковылей опасны для овец. Плоды набиваются в шерсть и постепенно ввинчиваются в кожу, проникая в мускулы и внутренние органы. Если по недосмотру чабанов овцы летом пасутся на степных пастбищах, засоренных тырсой, они заболевают. Все тело овцы оказывается в занозах от ковыльных остистых плодиков. Обычно на такие пастбища перед обсеменением ковылей пускают табун лошадей, которые копытами выбивают зрелые плоды ковыля и втаптывают их в дернину. Тогда во второй половине лета здесь могут пастись овцы. А лучше всего тырсовые пастбища перед обсеменением ковылей выкашивать. Животные поедают кормовые травы и оставляют на пастбищах грубые, колючие, сильно пахнувшие и ядовитые растения. Здесь среди злаков всюду встречаются австрийские полыни. Она горькая и пахуча, поедается скотом хуже злаков. Поэтому эта полынь расселилась по всем пастбищам.

Особенно сильно изменен растительный покров у водоемов, по берегам рек и водоемов, где летом скапливается много животных. Растительный покров, сильно измененный вследствие выпаса скота, называется скотобоем. На скотобоях растут крупные сорняки – осот и молочай. Стебли и листья молочая узкие, темно-зеленого цвета, цветки желто-зеленого. Если растение поранить, из него потечет белый сок. Оно совсем не поедается скотом.

Много ядовитых и несъедобных сорняков бывает на тырле – место ночевки отар овец. Чаще всего здесь встречается белена, она имеет коричневые цветки, неприятный запах. Семена их напоминают

В Илеке и Хобде обитают более 40 видов рыб: жерех, лещ, судак, сазан, линь, подуст, сом, щука, окунь, налим, голавль, язь, карась, красноперка.

Вблизи села большинство видов этих рыб уже почти не ловятся на удочку, так как рыбные запасы местных водоемов хищнически истребляются населением.

Следует отметить что возле Покровки имеется много рукотворных курганов, оставленных ушедшими поколениями людей. Они представляют собой захоронения, относящиеся к III веку до нашей эры. Археологические раскопки говорят о том, что в древности здесь проживали сарматы, знакомы уже с изготовлением металла.